

Замятинские чтения в Тамбове

Евгений Замятин. 1934 г.

Прошло восемь лет с тех пор, как произведения Евгения Замятина впервые появились в родной стране после долгих скитаний на чужбине. Приняты они были поначалу осторожно — изданный в 1986 году в Воронеже однотомник включал самые «безобидные» вещи. Но мало-помалу замятинские публикации становились смелее; в 1988 году перед русским читателем предстала давно известная ему по слухам антиутопия «Мы», а вскоре открылись и явно антисоветские сказочки и политические статьи. Взятые вместе, новые собрания сочинений включили многое из опубликованного до эмиграции и после нее: уже настал черед наследия эпистолярного, неизвестного, архивного.

Прошло восемь лет. Возвращение Замятина продолжается. Продолжаются попытки вживить в русскую литературу одного из писателей, насильно от нее отторженных. Но нужен ли он ей? Возможна ли такая обратная пересадка? И вообще, интересен ли еще Замятин русскому читателю?

Вопросы трудны, ответы, наверное, неоднозначны. Известность Замятина не идет ни в какое сравнение со славой Булгакова: его сборники (почему-то только однотомные) выглядят скромно, более скромно, чем, скажем, кузминские или брюсовские. И все же надо полагать, что Замятин нужен. Хотя бы потому, что степенью его отсутствия или присутствия отмечается степень свободы в современной русской литературе.

Примерно так сказала, а с ней нельзя не согласиться, Маризтта Чудакова в докладе, которым открылись чтения под названием «Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня», прошедшие 6—7 декабря в Тамбове.

Приуроченные к 110-й годовщине рождения писателя, это уже вторые по счету Замятинские чтения — первые состоялись в 1992 году. Не исключено, что рождается новая академическая традиция: Тамбов застолбил Замятин как «своего писателя», благо родился тот в недалекой Лебедяни.

Достойна восхищения энергия профессора кафедры русской литературы Тамбовского пединститута Ларисы Поляковой, главного организатора встреч; она заручилась помощью не только пединститута, но и мэрии, и местного отделения Союза писателей России, и областного фонда культуры. Владелец «Книжной лавки писателя» своей финансовой помощью обеспечил выпуск к началу чтений двух томов с докладами и тезисами участников. Из книг, когда-либо посвященных писателю, эта, несомненно, самая большая — в ней почти шестьсот страниц!

Не все опубликованные в сборнике и не все указанные в программе докладчики съехались в Тамбов. Объяснение простое: оплатить проезды и командировочные не хватило денег ни у принимающих, ни у посылающих. Тем не менее, участников было много. Большинство из них представляло периферию — центральную Россию, Украину, Сибирь... Автора этих строк, запуганного постоянными воплями русских и западных «средств массовой информации» о крушении культуры в России, тамбовские чтения несколько успокоили, показав, что провинциальные центры как будто обретают ту жизнеспособность и ту автономность,

которые отличали их до революции. По словам тамбовчан, в их городе культурная жизнь бьет ключом. Парадокс ли это? На встрече один из докладчиков вполне убедительно жаловался на пресловутый крах культуры. Но ситуация, в которой он выступал, доказывала, что происходит как раз обратное. Слушатели собрались перед ним для того, чтобы узнать о писателе, который полвека оставался под запретом. Русская культура спасается от краха памяти.

Такое несовпадение дискурса и ситуации вообще характерно для сегодняшнего положения вещей. Как характерно — почти символично — то, что первый день чтений прошел в бывшем здании обкома партии. Холодная ирония Замятина нашла бы тут чем поживиться.

Сами чтения походили на все большие литературоведческие съезды, где главное не столько содержание докладов, сколько общая атмосфера. В целом было сказано достаточно много интересного — и не только для замя-

тиноведа. В обиход попал неизвестный материал — таким для меня были татарские и башкирские антиутопии, о которых сообщил Р.Акимов (Уфа). Как всегда интересным оказался междисциплинарный подход; его приме-

замятинский «антиутопизм» в перспективу «антитоталитаризма» и в русский и зарубежный контекст. Менее акцентировалась, но оставалась заметной тема русской специфики (или, наоборот, — «нерусскости») Замятина. Важное место заняли вопросы поэтики замятинского творчества и вопросы о подходе к нему в школьных программах.

Обо всем этом стоило бы поговорить подробно, но сейчас меня беспокоит другое. Несмотря на все самое хорошее, что можно сказать о Замятинских чтениях, они не оставили во мне чувства безмятежной радости. Ибо они отчетливо проявили те серьезные проблемы, с которыми обречено сталкиваться сегодня русское литературоведение, — и еще не ясен исход этого столкновения.

Во-первых, пугает легкость, с какой Замятин был превращен в классика русской литературы и поставлен в ряд тех, кто призван составлять ее гордость, от Ремизова до Алексея Толстого. Пугает легкость, с какой к нему прилагаются испытанные приемы исследования классики (и советской классики). Кроме, как в частных разговорах, мне не пришлось услышать критики замятинского творчества, попытки проверить его каче-

не условленной заранее, а настоящей шкалы ценностей. Но Шкловский знал, как он будет вести свой счет: между прочим, для этого он и его друзья создали и обосновали теорию формализма. Сегодня русское литературоведение не располагает таким верным орудием. Все ленинко-сталинские теории отброшены, формализм себя как будто не оправдал, структурализм еще не совсем переважен, а уже по московским книжным прилавкам гуляют призраки деконструкции и постмодернизма. Что выбирать и как? Авторефлексия, осмысление не литературы, а самого литературоведческого дискурса еще не начаты. Потому не выходит и спор: не отработаны ни концепции, ни методы, годные для постсоветского «гамбургского счета» (хотя времени прошло не так уж мало — восемь лет, если считать с момента возвращения Замятина).

Спора, концепций, методов нет и потому — это третья проблема, — что их необходимое условие — обмен информацией. Но старые связи между культурными, литературными, научными центрами сегодня порваны, а новые еще не налажены.

Живя во Франции, я узнал о выходе в Петербурге и в Самаре книг, посвященных Замятину; о них не знал никто из собравшихся в Тамбове. По случаю 110-летия рождения Замятина петербургская библиотека имени Салтыкова-Щедрина, где хранится его большой архив, устроила конференцию; о ней не знали в Тамбове. В провинции слабо слышно из того, что происходит в центрах; из центра же плохо видна периферия; и сами провинции плохо знают друг о друге. И издатели, и организаторы петербургских и других встреч должны были знать о том, что в Тамбове интересуются Замятиным (сборник по первым чтениям вышел два года назад), но они не подумали установить контакт. У всех есть хорошее алиби: если центральной библиографической инстанции не существует, то, конечно, уследить за публикациями невозможно.

Не буду говорить о том, как трудно составить себе в России представление о том, что происходит в западной русистике.

Как тут выработать новый взгляд на литературные процессы, сопоставить и столкнуть западные и русские модели, завязать спор о том, что сегодня нужно, и что не нужно?

Сами собой эти проблемы не решатся. Чтения в Тамбове позволяют не терять надежды. Нужно пожелать, чтобы они проводились регулярно и в будущем — от них и от подобных им мероприятий зависит, будут ли найдены решения.

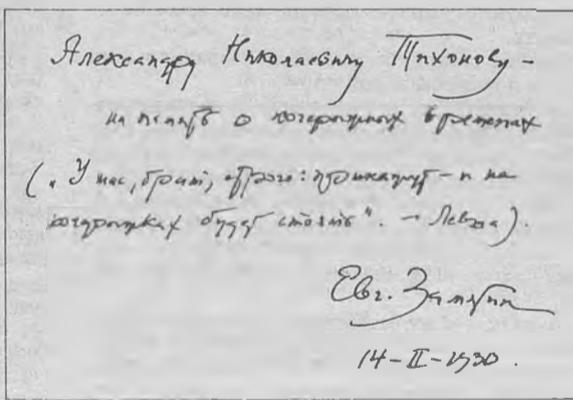
Но первым делом — наладим надежную связь.

ЛЕОНИД ГЕЛЛЕР

Лозанна—Париж

Автограф Е.И.Замятина на его книге «Житие блохи», подаренной писателю А.Н.Тихонову-Сереброву.

нил Г.Богин (Киров), сопоставив новые педагогические и герменевтические концепции с тем, как Замятин показывает формирование рефлексии у своего героя (в «Биче Божьем»). Нужными представляются работы из области текстового анализа; такие, казалось бы, узконаправленные наблюдения, как те, что сделал о борьбе прозы Замятина с метрическим стандартом стиха А.Орлицкий (Москва), будут питать разговоры о поэтике русского модернизма. В этой связи хочу подчеркнуть добросовестность молодых исследователей, по серьезности своего отношения к предмету они не уступят своим западным коллегам. Но они способны и к неожиданным, порой плодотворным сопоставлениям, — например, когда бок о бок ставятся Замятин и Блез Сандрап (И.Панкова, Тамбов)...

Основной интерес к Замятину (как, впрочем, и на Западе) идет от внимания к его политико-сатирическим писаниям. Одну из главных тем конференции составили попытки поставить

ство (об этом я говорил на конференции). Чересчур накатанными путями идет открытие Замятина, и меня удивила вежливость выступлений, мягкость в спорах — и молодежи, и ветеранов советских литературных боев.

За этой вежливостью скрывается, мне кажется, другая проблема. Спорить можно по-настоящему, когда сталкиваются разные концепции. Михаил Геллер напомнил недавно на страницах «Русской мысли» о том, как Шкловский требовал для русской литературы «гамбургского счета» —

ятий зависит, будут ли найдены решения.

Но первым делом — наладим надежную связь.

На Вторых юбилейных чтениях в Тамбове создалась «инициативная группа» по подготовке к изданию академического собрания сочинений Замятина.

Группа приглашает всех желающих принять активное участие в работе и присылать предложения и материалы по следующим адресам:

- 1) 194100, Санкт-Петербург, Б.Самсониевский пр., д. 72, кв. 40. БРЮХАНОВОЙ И.А.
- 2) 142004, г.Домоделово Московской обл., ул. Гагарина, д. 69/12, кв. 9. ДАВИДОВОЙ Т.Т.
- 3) 392008, Тамбов, Комсомольская пл., д. 5, пединститут, кафедра литературы, учебный корпус 3. ПОЛЯКОВОЙ Л.В.

LEONID HELLER, 11, rue Constance, 75018 Paris, France.